ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 2 Пятница, 28 января (10 февраля) 1905 г. № 2

Провалъ Египетскаго моста въ С.-Петербургѣ.—Спасеніе погибавшихъ съ барки, пригнанной по льду.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Народъ и «государево строительство».

Екатерининскій земскій соборъ.

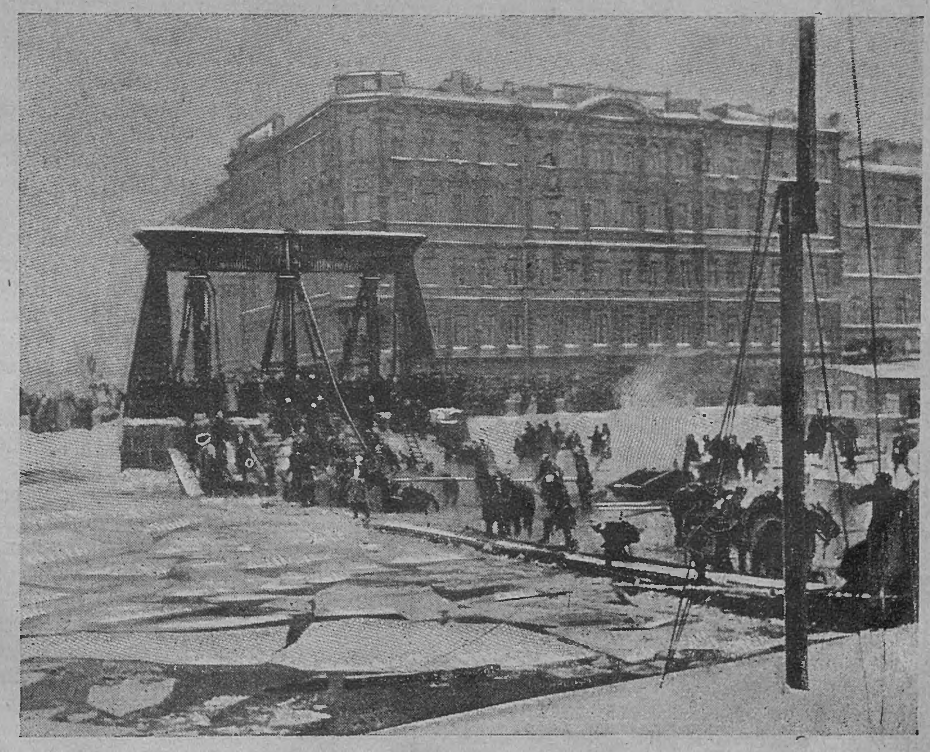
1.

Явно сознанное обществомъ и печатью и свыше санкціонированное убѣжденіе, что для Россіи наступаетъ пора повышенной созидательно-творческой работы, способной внести существенныя поправки въ практиковавшійся до настоящаго времени жизненный укладъ,—съ логическою неизбѣжностью и совершенною естественностью побудило и людей пера, и представителей интеллигентной части общества, не порвавшей связи настоящаго съ прошлымъ,—перелистовать въ огромной книгѣ, какую пишетъ исторія, длинные ряды страницъ и поискать тамъ исторически подготовленный отвѣтъ на настоятельно вставшій теперь предъ сознаніемъ правящей и управляемой Россіи вопросъ, **какъ** дѣлать то, что ясно намѣтилось, въ качествѣ предмета реформы. Въ новой политикѣ, смѣнившей недавнюю политику единосовѣтія и бюрократизма, явственно прозвучалъ принципъ вниманія къ самой „землѣ“, „послышалась старина“, въ смыслѣ готовности власти „посовѣтоваться съ народомъ“. Какъ учинить этотъ совѣтъ? Встарь учиняли его путемъ земскихъ соборовъ. Мысль естественно обратилась къ земскимъ соборамъ. Въ прессѣ прозвучали серьезные голоса, дѣлающіе чрезвычайно интересныя напоминанія и наводящіе на очень любопытныя и поучительныя въ этомъ отношеніи параллели.

Исторія каждаго народа строится на общихъ принципахъ. Безупречна въ логическомъ смыслѣ философія исторіи каждой страны. Было логически неизбѣжно, чтобы Іоаннъ IV собиралъ Русь, и Бастилія пала тогда, когда она пала. Въ этомъ смыслѣ, конечно, Русь XX вѣка не порвала съ прошлымъ въ преемственности событій и ихъ логикѣ, и многія формы ея можно безъ натяжекъ возвести къ прототипамъ. Но, однако, бездна легла уже между допетровской Русью и современной Россіей. Какъ приспособить къ современности тѣ формы, на которыхъ когда-то строилась жизнь и которыя удовлетворяли русскаго человѣка, ходившаго въ боярскомъ кафтанѣ временъ Тишайшаго Царя? Въ частности, о земскихъ соборахъ. Какъ примѣнить формы эпохи Грознаго или Михаила Θеодоровича, отставшія на нѣсколько вѣковъ?

2.

Работающая не мрачно-консервативно въ этомъ направленіи, а мысль, прогрессивно настроенная, не могла не искать примѣра поближе и не упереться въ огромный фактъ, совершенно аналогичнаго значенія, вырисовывающійся, однако, уже не на фонѣ „кафтанной“ Руси, но въ эпоху фижмъ и напудренныхъ париковъ, менуэтовъ и державинскихъ одъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо ближайшую къ современной эпохѣ сюртуковъ и фраковъ, профессіональныхъ съѣздовъ и земствъ. Рѣчь, конечно, объ огромномъ земскомъ соборѣ при Екатеринѣ, этомъ удивительномъ историческомъ актѣ, прорѣзающемъ съ яркимъ блескомъ послѣпетровскій періодъ на-

Провалъ Египетскаго моста въ С.-Петербургѣ. — Положеніе провалившагося моста.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

шей исторіи, безпримѣрномъ въ немъ до и послѣ и разыгрывающемся, въ сущности, на одноводной съ современной почвѣ жизни, съ строгимъ уже раздѣленіемъ сословій—и почти тѣхъ же сословій—съ тѣми же началами бюрократизма, съ тѣми же во многомъ соціальными запросами и недугами.

Есть великолѣпный памятникъ этого удивительнаго начинанія нашей „Минервы на русскомъ тронѣ"—десять огромныхъ томовъ, изданныхъ Императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ и содержащихъ „историческія свѣдѣнія объ екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія". Предпріятіе это еще не закончено, и нужно ждать еще новыхъ томовъ этихъ любопытнѣйшихъ „матеріаловъ", но главное издано, и то, что издано, представляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, первокласснаго значенія матеріалъ для изученія народной жизни екатерининской эпохи во всемъ ея охватѣ и разливѣ.

Это такой матеріалъ, о которомъ можно сказать безъ преувеличенія, что, будь онъ въ упорядоченномъ видѣ подъ рукою С. М. Соловьева,—онъ далъ бы ему возможность, безспорно, начертать несравнимо болѣе яркую и полную картину „народа при Екатеринѣ", чѣмъ онъ сдѣлалъ это въ 27-мъ томѣ своей исторіи. Соловьевъ могъ видѣть этотъ матеріалъ въ подлинникахъ въ архивѣ 2-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и видно, что онъ его, до извѣстной степени, пользовалъ. Но изъ систематизованныхъ и изданныхъ, и потому въ десять разъ упрощавшихъ изученіе томовъ „свѣдѣній" нашъ премьеръ-историкъ могъ застать одинъ-два, много три тома. И это обстоятельство дѣлаетъ теперь устарѣвшею и неполною главу его исторіи о „Новомъ Уложеніи".

прибѣгъ осторожный Брикнеръ, впрочемъ попытавшійся посчитаться съ голосами иностранцевъ, захотѣвшихъ видѣть въ соборѣ только „блестящее зрѣлище", какое государыня хотѣла предложить своимъ и чужимъ. Почти воздержался отъ оцѣнки С. М. Соловьевъ, позволяя угадывать не особенный восторгъ историка предъ этимъ историческимъ актомъ. Откровенно высказался Сергѣевичъ, что все испортила неумѣлая, неталантливая, неподготовленная постановка дѣла ближайшими послѣ императрицы руководителями комиссіи. Откровенно и почти совсѣмъ отрицательно высказался всегда своеобразный и часто капризно-парадоксальный переоцѣнщикъ цѣнностей Костомаровъ.

Съѣздъ екатерининской комиссіи, этотъ земскій соборъ при новыхъ формахъ государственнаго и народнаго бытія, есть властно поучительное явленіе для будущаго. Будущее уже не можетъ не взять урока отъ этого явленія, если оно намѣрено признать такую форму общенія Самодержца съ народомъ,—а это историческій фактъ, что такое будущее чуть не стало настоящимъ, потому что Монаршею волею Александра III было уже санкціонировано и только по обстоятельствамъ не состоялось обнародованіе манифеста о созывѣ земскаго собора 6-го мая 1882 г. Будущее не можетъ игнорировать ни тѣхъ частныхъ и внѣшнихъ пріемовъ екатерининскаго съѣзда депутатовъ, какіе способны намѣтить и посейчасъ нужное и желательное и устранить повторную и копотливую работу выработки мелочей, ни тѣхъ ошибокъ, какія намъ черезъ сто тридцать шесть лѣтъ уже совершенно ясны при свѣтѣ всеосвѣщающаго времени въ работахъ комиссіи по Новому Уложенію.

по замыслу государыни съѣздъ отнюдь не могъ претендовать на эту роль, и все было сдѣлано для того, чтобы изъять изъ его вѣдѣнія всю область общегосударственныхъ вопросовъ, замкнувъ его въ сферѣ сословныхъ интересовъ,—надо признать уже одинъ простой историческій актъ заявленій мечтаній народа—знаменательнымъ, свѣтлымъ и многообѣщающимъ. Надо посмотрѣть, какія заявленія шли тогда отъ самыхъ, повидимому, немудреныхъ представителей земли, и какъ, однако, они иногда опережали на цѣлое столѣтіе понятія того вѣка, когда свирѣпствовалъ пикѣмъ у насъ не превзойденный Торквемада православія, великій мастеръ сыска Шешковскій, а рабство крестьянина не кололо глаза даже такъ незаурядно одареннымъ людямъ, какъ Державинъ, Сумароковъ, Мацѣевичъ или Дашкова.

Надо увидѣть эти заявленія, чтобы благоговѣйно почувствовать значеніе участія народнаго голоса въ дѣлѣ „государева строительства". Конечно, это фактъ, что въ огнѣкѣ крѣпостного права, въ годы, по крайней мѣрѣ, предшествовавшіе „Комиссіи" и „Наказу", сама императрица была несравнимо либеральнѣе всей бюрократіи, стоявшей около ея трона. Это, въ сущности, не очень и удивительно для властительницы съ огромнымъ умомъ и притомъ только что одолѣвшей,—можетъ быть, не очень глубоко-научно, но безспорно, горячо и съ пыломъ благороднаго увлеченія,—цѣлый рядъ юридическихъ сочиненій передовыхъ умовъ Запада, отъ Монтескье до Беккаріи. Но когда великія истины, которыя даже не для всѣхъ людей нашего вѣка стали аксіомами, провозглашались устами простецовъ,—это положительно вызываетъ восторгъ и уваженіе къ народной мудрости.

3.

Всероссійскій земскій соборъ, созванный Екатериной, не носилъ въ свое время этого названія. Тогда во всемъ было стремленіе къ иностранному образцу и, по крайней мѣрѣ, къ иностранному ярлыку. Проявлялась всюду прогрессивно-культурная тенденція, и примѣненіе старинной, въ сущности, исконно-русской формы могло быть непопулярнымъ подъ старымъ титуломъ, пожалуй, немножко даже отзывавшимъ ладономъ. Но это былъ въ истиннѣйшемъ смыслѣ земскій соборъ по формамъ, по строю, по принципамъ. Его назначеніе не выдержалось до конца. По результатамъ, екатерининскій съѣздъ разошелся со старыми земскими соборами. Онъ оказался только совѣщательнымъ собраніемъ. Ни на минуту ему не было предоставлено рѣшающаго значенія. Онъ только засвидѣтельствовалъ и доказалъ нужды и стремленія всего народа, далъ императрицѣ тѣ искомые ею „свѣтъ и свѣдѣніе о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно".

Выслушанъ былъ каждый голосъ самаго скромнаго челобитчика. Но только этою повѣствовательною, освѣдомляющею ролью и исчерпалась роль депутатовъ. Мы знаемъ, что полномочія стараго земскаго собора были иныя. Исторія права, оставивъ за „соборомъ" Екатерины только это значеніе—оповѣщенія правительства объ „умоначертаніи народномъ", о народномъ хотѣніи, о нуждахъ: дворянина, купца, однодворца, казака, крестьянина, громко отказала ему въ дѣйствительномъ законодательномъ значеніи, въ прямой созидательной роли. При особомъ мнѣніи остался Щаповъ. Яркій темпераментъ либеральнаго публициста заставилъ его, при горячемъ сочувствіи идеѣ, забыть неудачу ея выполненія. Къ существеннымъ оговоркамъ

4.

Перечитывая теперь „матеріалы" историческаго общества, проредактированные Полѣновымъ, а послѣ его смерти Сергѣевичемъ, можно видѣть, какой, во всякомъ случаѣ, огромной подготовки стоило простое уже дѣло созыва депутатовъ. Руководящія данныя для ихъ выбора, для ихъ вызова, выѣзда, матеріальнаго обезпеченія во время съѣзда, для составленія частныхъ „наказовъ" имъ отъ городовъ и уѣздовъ для безпрепятственнаго высказыванія и преній—все это было предусмотрѣно, разсчитано, взвѣшено. На лицо вся программа внѣшней постановки дѣла. Не воспользоваться ею,—разумѣется, приспособляя требованія къ измѣнившимся во многомъ условіямъ жизни,—было бы и неразсчетливо, и недальновидно. По подготовкѣ собора 1882 г., какъ извѣстно, много работалъ теоретически извѣстный знатокъ „соборнаго" дѣла П. Д. Голохвастовъ, подготовившій выработанную „современную" программу съѣзда. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что работы и самый процессъ работы екатерининской комиссіи должны были для него являться едва-ли не самымъ значительнымъ положительнымъ и отрицательнымъ указаніемъ и руководствомъ и вдохновлять его въ его проектѣ.

Въ екатерининскихъ матеріалахъ дано все—и чего надо желать, и чего нужно избѣгнуть. При ихъ обозрѣніи неизбѣжно приходится натолкнуться на чрезвычайно любопытныя частности тогдашнихъ народныхъ предъявленій и на весьма знаменательныя пророчества о формахъ, отчасти сейчасъ уже осуществленныхъ, отчасти мечтаемыхъ. И въ этомъ смыслѣ колоссальный и моментами, можетъ быть, докучный трудъ изученія 10-ти фоліантовъ „Историческаго Сборника" сторицею окупается.

При неуспѣхѣ Большой Комиссіи въ смыслѣ законодательнаго предпріятія, —

5

Какъ на самый яркій примѣръ этой вѣковой мудрости, брызнувшей устами младенца, можно указать на то, что предложеніе завести на Руси начальныя школы для народа впервые было сказано на этомъ екатерининскомъ соборѣ нижегородскимъ пахотнымъ солдатомъ Иваномъ Жеребцовымъ. „Изъ сего можетъ воспослѣдовать великая общественная польза, сказалъ умный мужикъ, — понеже тѣ ученые люди для государственныхъ надобностей, такъ и починнному правленію завсегда могутъ быть способны". „Земледѣльцу то и школа, чтобы обучать дѣтей съ малолѣтства хлѣбопашеству",—возразили свѣтлому мужицкому уму мракобѣсы. Но горячо и убѣжденно, и прекрасно отстаивалъ свою мысль этотъ депутатъ отъ сохи. И поддержку онъ нашелъ опять-таки прежде всего въ своемъ братѣ, сермяжномъ мужикѣ, тоже пахотномъ солдатѣ изъ Пензы, Егорѣ Селивановѣ. Трогательно читать мнѣніе просвѣщеннѣйшаго депутата отъ серпейскаго дворянства, графа Александра Строганова, который, отложивъ въ сторону кичливость своимъ графскимъ титуломъ, третьимъ присоединился къ умному мужицкому сужденію. „Не могу преминуть—воздать оному господину депутату достойной похвалы"! Можно угадывать, какую кислую гримасу уничтожающей ироніи изобразили на своихъ бритыхъ лицахъ чиновные депутаты отъ дворянъ, когда имъ вслухъ прочитали это графское мнѣніе, и какъ рѣзнулъ ихъ ухо титулъ „господина депутата Жеребцова"!

Дальше: вопросъ о необходимости обязательнаго (!) обученія для купеческихъ дѣтей, даже съ наложеніемъ штрафа (!) на уклоняющихся—поднялъ не сенаторъ или просвѣщенный петербургскій бюрократъ, а

симбирскій купецъ Ларіоновъ *). Еще дальше: первый голосъ въ защиту крѣпостного, голосъ за улучшеніе положенія крестьянина-раба и за ограниченіе правъ злоупотребляющихъ помѣщиковъ послышался опять не изъ устъ великаго и сильнаго, а изъ устъ канцеляриста углицкаго духовнаго правленія (консисторіи) Ивана Сухопрудскаго. Онъ предложилъ вникнуть въ причины бѣгства крестьянъ и разсмотрѣть, не виновны-ли здѣсь и сами помѣщики, вызвавъ, разумѣется, сокрушающую бурю негодованія со стороны рабовладѣльцевъ. И опять поддержалъ его скромный однодворецъ изъ Казанской провинціи Кипренскій, и только потомъ уже явились имъ опора въ дворянахъ, между прочимъ, Коробьинѣ,—свѣтломъ образѣ екатерининскаго собора, съ именемъ котораго связаны одни изъ самыхъ красивыхъ и благородныхъ страницъ „Историческихъ матеріаловъ“ о Комиссіи.

Если всѣ эти радѣльцы народа, не исключая и Коробьина, и не могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ проповѣдниками раскрѣпощенія (ихъ протестъ шелъ, въ сущности, только противъ злоупотребленій крѣпостного права, при предпосылкѣ, что само это право должно существовать), — во всякомъ случаѣ, дѣло ихъ гуманнаго дерзанія незабвенно, и память ихъ въ исторіи должна быть съ похвалами. „Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ, говорилъ депутатамъ при открытіи комиссіи вице-канцлеръ князь Голицынъ,—и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ“. Это почтеніе и благодарность должно быть воздано этимъ борцамъ за права личности, которымъ „въ жестокій вѣкъ“ уже пророчески грезилась въ свѣтлыхъ снахъ багряная полоска зари благословеннаго шестьдесятъ перваго года.

6.

Я говорилъ о пророчествахъ екатерининской Комиссіи. Совершенно явственно пророчественнымъ я считаю ходатайства многочисленныхъ наказовъ о разнаго рода сословныхъ съѣздахъ, построенныхъ на выборныхъ началахъ. Боровичскіе дворяне ходатайствуютъ о томъ, чтобы „новымъ Уложеніемъ дозволено было дворянамъ черезъ всякіе два года въ городѣ или гдѣ заблагоразсудятъ, но въ своемъ уѣздѣ, съѣздъ имѣть и на ономъ разсуждать и разсматривать, все-ли въ уѣздѣ въ силѣ законовъ исполняется, не бываетъ ли кому... какого утѣсненія“ и въ нужныхъ случаяхъ чрезъ своего депутата жаловаться въ сенатъ. То же желаніе идетъ отъ дворянъ коломенскихъ, веневскихъ и т. д., и т. д.

Клинъ хлопочетъ о „годовомъ дворянскомъ депутатѣ“, который бы жилъ въ Москвѣ и „стараніе имѣлъ о всѣхъ дѣлахъ дворянъ своего уѣзда. Всюду при этомъ явная тенденція къ свободѣ отъ административныхъ назначеній, къ самостоятельному выборному началу „чтобъ воеводъ и товарищей ихъ отъ сената не присылать, а дозволить дворянамъ самимъ выбирать“ (судиславскій наказъ). Объ этомъ настойчиво и пламенно хлопотало дворянство. О томъ же мечтало даже крестьянство, заявлявшее желаніе, чтобы своихъ судей оно избирало само изъ своей среды. Чтобы понять это заявленіе, надо вспомнить ужасы и волокиту тогдашняго судопроизводства. Теперь, когда передъ нашими глазами сложная и долгая жизнь земствъ,— нужно-ли пояснять, что исторически-пророчественнаго было въ такихъ и подобныхъ предъявленіяхъ депутатовъ Комиссіи.

Были огромныя ошибки въ строеніи Екатерининою дѣла собора. Ихъ мы почти не коснулись. Но мы видѣли, что было здѣсь и нѣчто высокопоучительное и отрадное. Самое отрадное—это, конечно, выносимая отсюда вѣра въ плодоносность и цѣлесообразность самаго призванія народныхъ силъ къ дѣлу общегосударственнаго творчества. Народъ не обманулъ ожиданій. Такой обильный родникъ природной, сильной и честной мудрости вдругъ забилъ изъ нѣдръ этого народа, что умнымъ и чуткимъ людямъ эпохи, не ослѣпленнымъ идеалами и традиціонными понятіями старой бюрократіи, могла въ самомъ дѣлѣ впервые явственно предстать вся могучая и неподкрашенная правда о Россіи. Подлинно, съ этого времени стало возможнымъ, по выраженію императрицы, „о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ“, а не яко слѣпымъ о цвѣтахъ“. Народъ доказалъ, что не капризнымъ чудомъ изъ него выходятъ Минины, Ермаки, Посошковы, Ломоносовы и Кулибины, но что, съ явленіемъ спроса, онъ можетъ и всегда выставитъ здоровую и умную силу, которая простымъ, невооруженнымъ глазомъ умѣетъ смотрѣть въ настоящую глубину жизни, угадывая то, до чего среднее человѣчество доходитъ только черезъ столѣтія и, можетъ быть, немудренымъ и безхитростнымъ, но мѣткимъ словомъ умѣетъ выразить истину, которую Богъ иногда таитъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открываетъ младенцамъ.

А. Измайловъ.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

(1885 г.).

— Посмотрите,— сказалъ Левъ Николаевичъ,—какое письмо я сегодня получилъ. Длиннѣйшій трактатъ на 10 листахъ и съ весьма рѣзкой критикой нашихъ взглядовъ. Пишетъ позитивистъ Фрей, эмигрировавшій въ Америку, а теперь снова вернувшійся въ Россію. Это одно изъ тѣхъ писемъ, на которое я непремѣнно отвѣтилъ бы, но авторъ обѣщаетъ самъ на-дняхъ пріѣхать сюда. Интересно посмотрѣть. Онъ говоритъ въ письмѣ: „Я гораздо скромнѣе своихъ словъ“. Это мнѣ нравится.

Черезъ нѣсколько дней я прихожу и застаю со Л. Н—чемъ коротенькаго, съ черной бородкой на матовомъ, блѣдномъ лицѣ, человѣка. Привѣтливый, улыбается.

— Фрей!—говоритъ.—А мы къ вамъ въ школу собираемся. Ужасно хочется посмотрѣть,—мнѣ Л. Н. успѣлъ уже о васъ такъ много разсказать. Въ Америкѣ у насъ тоже была школа, и тоже никакихъ наказаній. Долго не хотѣлъ я брать въ свои руки школу, больно было отъ работы оторваться, но община твердо настояла на своемъ и потребовала, чтобы учителемъ былъ я. Помню, какъ жутко было на душѣ, когда я впервые приступилъ къ обученію въ этой маленькой, но великой аудиторіи. Студенты академіи, гдѣ я читалъ лекціи въ Россіи, мнѣ показались пигмеями въ сравненіи съ этими крошками, такъ просто и довѣрчиво смотрѣвшими мнѣ въ глаза. Я видѣлъ, я чувствовалъ, что они ждутъ отъ меня откровеній новаго, разсказовъ о тайнахъ этого свѣжаго для нихъ міра, а мнѣ, глядя на ихъ свѣтлыя, ангельскія лица, хотѣлось самому проникнуть къ нимъ и вывѣдать тайну того невѣдомаго, откуда они такъ недавно пришли и чарами котораго еще дышутъ ихъ розовыя, маленькія уста. Я горячо молился Великому Человѣчеству, нашему l'homme-humanité, чтобы оно наставило и вразумило меня на радостный путь служенія этимъ чистымъ частицамъ Его же.

Левъ Николаевичъ очень заинтересовался,
— Скажите, вы прибѣгаете и къ молитвамъ?

— Какъ же, для насъ, религіозныхъ позитивистовъ, это одно изъ непремѣнныхъ условій бодраго служенія Человѣчеству. И мы молимся по нѣсколько разъ въ день, передъ пищей, передъ сномъ. Я васъ потомъ познакомлю съ содержаніемъ этихъ молитвъ. Это, конечно, не подражаніе клерикальнымъ молитвамъ, но онѣ проникнуты полной религіозной близостью къ тому Существу, которое составляетъ основу нашего вѣрованія. Основатель религіознаго позитизма, великій Контъ, училъ насъ, что наиболѣе живая, дѣйственная, подвигающая на жизнь и работу сторона всякой религіи,—это такъ-называемый симпатическій элементъ ея, т. е. та кровная, близкая, душевная, и постоянная связь съ предметомъ вѣры, которая одна только и живитъ вѣрующую душу. Есть этотъ симпатическій, интимный, личный элементъ,—и вѣра живая, сильная, могучая, создающая народы и эпохи въ исторіи; нѣтъ этого элемента,—и вы получаете сухую, мертвую догму, никого не грѣющую и ничему не учащую схему...

— Простите, дорогой, но ваша система именно и есть такая сухая схема. Въ ней мысль, логика, правила, но нѣтъ личнаго, симпатическаго элемента, нѣтъ единенія, нѣтъ глубокой, душевной близости съ Учителемъ вашей вѣры. Вы у Христа берете только поученія, правила, мысли, пользуетесь его притчами, метафорами и разсказами о фактахъ изъ Его жизни, но Онъ, Онъ самъ не есть для васъ Божество. Вы Ему не молитесь, не вѣрите въ Него...

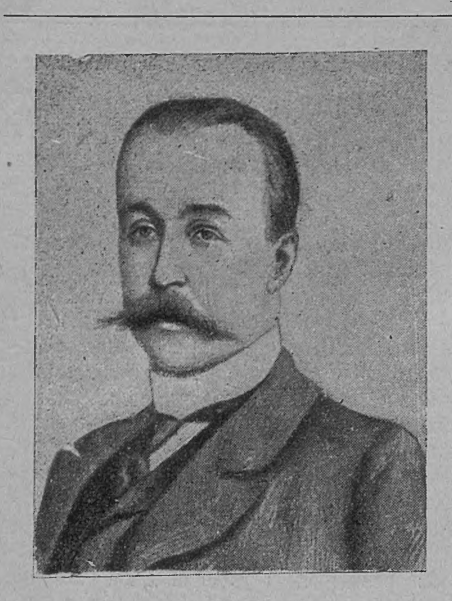
Фрей всталъ, подошелъ вплотную ко Льву Николаевичу, который стоялъ тогда у окна и задумчиво смотрѣлъ вдаль, и, взявъ его за обѣ руки, приникъ головой къ его груди.

Левъ Николаевичъ, обнявъ его голову, быстро наклонился къ нему, и они слились въ одномъ долгомъ, братскомъ поцѣлуѣ.

Фрей судорожно рыдалъ и, отрываясь отъ губъ Льва Николаевича, съ дрожью въ голосѣ произнесъ:

— Я люблю васъ, дорогой мой, сильный мой, дивный мыслитель и поэтъ, какихъ не знали люди. Я воспитался на вашихъ произведеніяхъ, я пилъ ихъ влагу всей жадной грудью своей и у васъ же научился любить этотъ огромный міръ и чудную красоту его. Я умоляю васъ, я прошу васъ, вернитесь къ своимъ творческимъ работамъ, гдѣ вы—титанъ могучій, несравненный властелинъ слова, освѣщающій молніей небосводъ литературы, и оставьте ваши препирательства съ клерикальными людьми и ихъ книжными догматами. Если вы ищете вѣры, дорогой мой, и вашей душѣ нуженъ свѣтъ и теплота, обратите свои взоры къ тому, кто есть дѣйствительный хозяинъ и отецъ вашей жизни, къ огромному, великому Человѣчеству, у котораго вы—одинъ изъ прекраснѣйшихъ его сыновей. Направьте работу духа своего и дивное умѣнье постигать истину туда, гдѣ вы обрѣтете ее для себя и для милліоновъ другихъ людей, которые васъ слушаютъ, читаютъ, любятъ и которые ждутъ отъ васъ слова откровенія, другого слова, не того, которое вы теперь произносите. Оно не истина, Левъ Николаевичъ, и вѣрой никогда не будетъ.

*) Справедливость требуетъ прибавить, что ни одинъ изъ депутатовъ отъ купечества не поддержалъ Ларіонова.

Князь В. М. Голицынъ,
вновь избранный московскимъ городскимъ головою.

Левъ Николаевичъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ и, увлеченный искренностью тона, ловилъ каждое слово Фрея и, видимо, былъ глубоко потрясенъ.

— Я не больше, какъ растущій человѣкъ, мой добрый, искренній Владиміръ Константинычъ. И вѣрьте мнѣ, я не рисуюсь, когда скажу, что истина для меня дороже всего въ жизни. Я искалъ и съ трепетомъ ищу ее съ тѣхъ поръ, какъ только помню себя, и не знаю тѣхъ опасныхъ мѣстъ и пучинъ, куда бы я не пошелъ ради нея. Я все для нея сдѣлалъ и сдѣлаю, и если я теперь исповѣдую христіанство въ томъ видѣ, какъ я его принимаю, то это потому, что Христово христіанство вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что я считаю истиной. Укажите мнѣ другое, и я увѣрую, я пойду за вами. Но то, что вы мнѣ предлагаете, это ученіе о человѣчествѣ, какъ организмѣ, и поклоненіе этому организму, простите, это слишкомъ далеко отъ правды и такимъ крохотнымъ, маленькимъ кажется, что трудно помѣститься тамъ сколько-нибудь уже выросшей мысли.

Взято сравненіе, которое можетъ годиться въ альбомъ, и не больше,—и на этомъ сравненіи воздвигается цѣлая религіозная система съ обрядами, богослуженіемъ и канонами. Создаются новые горизонты для мысли и производится инспекторскій смотръ всей работѣ человѣческихъ знаній, располагая науки въ шеренги и послѣдовательные ряды, постепенно отражающіе на себѣ свѣтъ этого альбомнаго сравненія о томъ, что человѣчество есть организмъ.

И если въ наукѣ и для науки Контъ, какъ тотъ архиваріусъ, кое-что еще сдѣлалъ, расположивъ по полкамъ старыя бумаги и картонки съ надписями, чтобы легче отыскать было,—если своей классификаціей, говорю я, онъ кое-что и сдѣлалъ, именно, кое-что, далеко не столько, сколько объ этомъ говорятъ, то своей попыткой создать религію человѣчества и возвести себя въ званіе grand-prêtre'а его, онъ не только ничего не сдѣлалъ для истины, но, напротивъ, сдѣлалъ все для того, чтобы всякаго свѣжаго и дорожащаго свободой своей мысли человѣка, не желающаго никому вѣрить на слово, отбросить отъ истины съ силой орудійнаго залпа и надолго отохотить его отъ попытокъ искать ее.

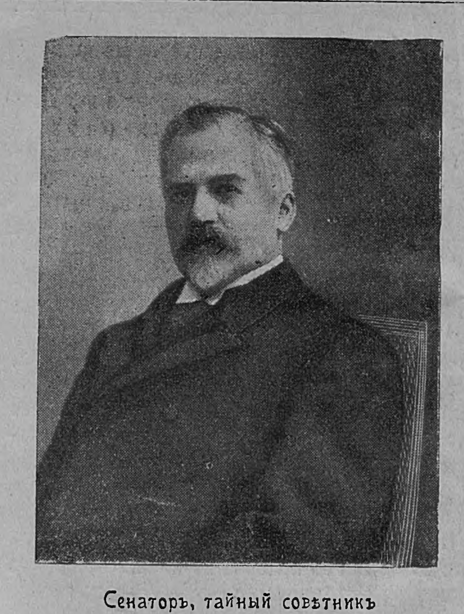
Что собственно жизненнаго въ этой теоріи? Гдѣ дѣйствительныя доказательства того, что совокупность всѣхъ людей имѣетъ видъ и форму живого существа и такъ же живетъ отдѣльной жизнью, какъ каждое отдѣльное живое существо? Гдѣ тотъ главнѣйшій признакъ живущаго существа, гдѣ центръ сознанія его? Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Чикаго, или здѣсь, въ Крапивкѣ, Тулѣ, Ясенкахъ?

Мало того, эта теорія, нисколько не соотвѣтствующая дѣйствительности и не имѣющая значенія даже, какъ сравненіе,—теорія эта вмѣстѣ съ тѣмъ является апологіей, подспорьемъ существующихъ ужасовъ и обмана. Одни будутъ нервы благородные, а другіе будутъ мускулы да кости. Воскресаетъ старая басня Мененія Агриппы, которой онъ дурачилъ простыхъ людей. Одни будутъ воду носить, другіе будутъ пить.

Очень можетъ быть, что и теперь старѣющійся міръ, утопающій во власти и сытости, ухватится за эту новую погремушку и будетъ ею погромыхивать, какъ раньше гремѣли теоріей бѣлой и черной кости и т. п. Но можетъ ли это стать предметомъ вѣры? Какъ можетъ рѣшиться ищущая правды душа, вмѣсто Бога, увѣровать въ жалкую группу существъ, безвольныхъ и слабыхъ, не знающихъ, что съ ними будетъ черезъ мигъ? Это самое человѣчество, ничтожное и малочисленное настолько, что если бы собрать его и вогнать въ Женевское озеро, то вода поднялась бы только на нѣсколько футовъ,—это крохотное ласточкино гнѣздо на карнизѣ огромнаго дома,— эта часть-части, сама зависимая, голодная, жалкая,—какъ можетъ эта еле барахтающаяся амёба въ природѣ, какъ можетъ она замѣнить великаго Бога въ его вселенной, создающаго міры? Какую степень низменнаго идолопоклонства и темнаго фетишизма надо предположить въ человѣкѣ, который рѣшился бы уже имѣющуюся въ его душѣ вѣру въ великое промѣнять на этотъ краешекъ, на этотъ штрихъ только тѣни великаго?

Да, это не больше, какъ рафинированное, съ филигранной отдѣлкой, на интеллигентномъ, будто бы, научномъ, жаргонѣ старое, старое, чистѣйшей воды прямое идолопоклонство, отъ котораго такъ часто насъ оберегали наши древніе мудрецы, когда учили: не сотвори себѣ кумира.

Я вѣрю, что я живу и чувствую живую жизнь въ себѣ не по тому, что этого хочетъ или хотѣло какое-то разсыпанное по всѣмъ широтамъ болѣющее и умирающее человѣчество, само не могущее прибавить себѣ роста и на локоть,—я вѣрю, что живу потому, что этого хочетъ Богъ, по-

Сенаторъ, тайный совѣтникъ
С. С. Манухинъ,
назначенный управляющимъ министерства юстиціи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ
князь Святополкъ-Мирскій,
покинувшій свой постъ по разстроенному здоровью.

С.-петербургскій генерал-губернаторъ Свиты Его Величества
генералъ-маіоръ Д. Ф. Треповъ.

велѣвающій жить и травкѣ, и мнѣ. И если Богу угодно было призвать меня къ жизни и придать мнѣ форму человѣческаго существа и велѣть жить среди людей, работая на нихъ для Него,—я съ радостью исполняю Его волю и чувствую, что живу только тогда, когда исполняю ее.

И вотъ, очень можетъ быть, что Богъ сплачиваетъ людей, уничтожая между ними всѣ раздѣляющіе ихъ простѣнки, въ видѣ языка, націй и обычаевъ; очень можетъ быть, что это сплачиваніе и напоминаетъ процессъ соединенія маленькихъ живыхъ комочковъ въ организованное тѣло, но, во-первыхъ, это есть процессъ только начинающійся, едва-едва замѣчаемый, а во-вторыхъ, планъ соединенія не можетъ и не долженъ пойти по пути порабощенія одного другимъ, какъ это имѣло и имѣетъ мѣсто въ организмѣ.

Богъ, посѣщающій душу человѣка, обѣщаетъ ей свободу, а не порабощеніе. И этотъ Богъ—есть только Богъ, и никто другой!..

Мы шли со Львомъ Николаевичемъ въ лѣсъ, чтобы срубить дерево крестьянину на избу.

Прошли мы старинную рощу съ гигантскими мачтовыми дубами, миновали косую и залитую мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ поляну на взгорьѣ, откуда виднѣлась величественная засѣка и синяя лента вьющейся около нея рѣчки Воронки, и вскорѣ дошли до барскаго осинника, какъ называлась огромная роща съ высокими сѣбющими осинами и съ трепетавшими на нихъ пугливыми и бѣлѣвшими снизу листьями.

Повѣяло тихой, благоговѣйной прохладой и, помню хорошо свое ощущеніе, мнѣ показалось, что мы вошли въ настоящій Божій храмъ, гдѣ въ каждомъ уголкѣ чувствуется дыханіе высшей силы.

Левъ Николаевичъ всю дорогу молчалъ, погруженный въ себя. Онъ потрясенъ былъ одной изъ тяжелыхъ семейныхъ сценъ, которыя ему въ ту пору (рѣчь идетъ о 86 г.) дарили очень часто, и переживалъ въ душѣ мучительную для самолюбія, но радостную для духа, работу примиренія съ живыми людьми.

— Вы знаете, — началъ онъ съ особенно теплой задушевностью, — какой наибольшій грѣхъ нашъ, грѣхъ, который можетъ свести на нѣтъ всю работу духа и оставить васъ голымъ, безпомощнымъ ребенкомъ или, что еще хуже, можетъ превратить васъ въ обыкновеннаго лжеца и обманщика передъ собственной совѣстью? Грѣхъ этотъ, какъ это ни странно, какъ ни ужасно сказать, — но грѣхъ этотъ — любовь къ людямъ. Да, эта безплотная, безликая любовь къ людямъ, гдѣ-то тамъ далеко живущимъ и въ воображеніи манящимъ насъ пальцами къ себѣ! Придите, пожалѣйте! Мы рвемся душой къ этимъ людямъ, плачемъ о нихъ, страдаемъ, и такими они намъ представляются милыми, хорошими,—мы все готовы отдать имъ. Эти дальніе для насъ люди — жизнь наша, и мы испытываемъ высокое наслажденіе отъ близости духовнаго счастья, мы полны радости... И ужасная вещь, — эта радость очень низкая, себялюбивая, слабая и только гладящая себя по головкѣ: какой я славненькій, — и оттого унижающая духъ нашъ.

Я теперь только вижу, какъ велико по простотѣ своей и по страшной глубинѣ по-

Статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтн.
Муравьевъ,
назначенный чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ при его величествѣ королѣ Италіи.

знанія человѣческой души старое-старое священное мѣсто о любви къ ближнему.

Замѣтьте, тамъ ясно сказано: „люби ближняго“. И это есть не только указаніе, но и предостереженіе; ближняго люби, молъ, а не дальняго,—предостереженіе много пережившаго мудреца и знающаго одну изъ самыхъ тонкихъ извилинъ грѣха.

Любить человѣка, котораго не видишь, и съ которымъ никогда не встрѣтишься,—это такъ легко и заманчиво, тѣмъ болѣе, что не надо ничѣмъ жертвовать, не надо ничего тратить, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство какъ будто бы работаетъ, душа удовлетворена и совѣсть обманута.

Это такъ соблазнительно... Но нѣтъ, ты поди люби того, кто передъ тобой, съ которымъ живешь, котораго видишь, съ его привычками, съ его дыханіемъ, съ желаніемъ высмѣять тебя, унизить, съ нежеланіемъ помочь тебѣ... Того этого люби, жалѣй, мирись съ нимъ,—въ этомъ жизнь.

Когда я говорю фразу „люби ближняго“, я обыкновенно на этомъ словѣ и останавливаюсь. Я не продолжаю дальше: „какъ самого себя“. Я чувствую, что въ этой добавкѣ есть что-то фальшивое и ложное. Очень можетъ быть, что въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ 19-й главѣ Левита, такъ и сказано: люби ближняго, какъ самого себя, но тамъ оно не имѣетъ общаго значенія, относится только къ „сынамъ народа своего“ и слишкомъ еще окутано тьмою привязанности къ тѣлу.

Мнѣ всегда казалось страннымъ и даже не-

Министръ внутреннихъ дѣлъ, гофмейстеръ Двора Его Величества
тайный совѣтникъ А. Г. Булыгинъ.

вѣжливымъ, когда говоришь о любви къ другому, вспомнишь о себѣ, и всегда я чувствовалъ, что такъ нельзя, что это редактировано нехорошо, что это сравненіе похоже на небольшую щелочку въ пневматическомъ колоколѣ. Разъ есть это отверстьице, изъ колокола никогда не высосешь воздуха, и онъ всегда будетъ полонъ имъ.

Мнѣ казалось, что задача жизни и все величіе нравственнаго ученія заключаются въ томъ, чтобы именно высосать изъ души человѣка, какъ изъ-подъ колокола пневматической машины, весь воздухъ его себялюбія,—а тутъ вдругъ, въ той самой заповѣди, которая, казалось, именно это и дѣлаетъ, есть щель, черезъ которую постоянно возобновляется убывающій въ колоколѣ воздухъ.

Нельзя вводить въ заповѣдь о любви сравненіе: „какъ самого себя". И представьте мою радость, когда я узналъ, что Христосъ именно такъ и поучалъ. Когда у него спросили: „Учитель! Какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Онъ сказалъ: „Возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Эта первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближняго твоего... „Случайно я читалъ тогда Евангеліе съ контекстами Гриссбаха. Въ этомъ мѣстѣ имѣется маленькая выписка: послѣ словъ „какъ самого себя", которыя по гречески будетъ: „hos seauton", — сдѣлано указаніе: „Въ древнихъ спискахъ: „hos heauton",—т. е. какъ Его самого.

Это былъ для меня свѣтлый моментъ высокаго озаренія. Это было торжество духа.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ легко могла произойти эта маленькая замѣна вмѣсто „s"—„h",—но какая огромная разница!

Заповѣдь, такимъ образомъ, выразится такъ: „И вторая подобная ей: „Возлюби ближняго твоего, какъ Его самого, т. е. какъ Бога".

Здѣсь дѣйствительно есть объединеніе двухъ заповѣдей, которыя до того представлялись глубоко разнорѣчивыми.

Какое подобіе могло быть между первой и второй заповѣдью, разъ въ первой говорится о полной преданности Богу, о любви къ нему всѣмъ сердцемъ, всей душой, всѣмъ разумѣніемъ,—слѣдовательно, для любви къ себѣ уже мѣста рѣшительно нѣтъ, разъ все сердце и вся душа отданы Богу.

Какимъ же образомъ, спрашивается, вдругъ можетъ быть, чтобы вторая заповѣдь, подобная первой, говорила о любви къ себѣ, на которую должна походить любовь къ ближнему?

Очевидно, что этого не могло быть. Если же сказать,—люби Бога всей душой и люби ближняго, какъ Его самого,—тогда дѣйствительно есть стройное объединеніе двухъ заповѣдей и величественное построеніе гигантскаго зданія нравственности.

Ахъ, милый другъ, какъ много еще предстоитъ работать въ этомъ направленіи. Вотъ вы моложе меня и работаете и, Богъ дастъ, увидите еще много, много хорошаго!..

Насъ слушалъ лѣсъ и тихое, голубое между осинами небо, и слова учителя глубоко запали въ мою душу.

И. Тенеромо.

Печать и цензура.

Клочки воспоминаній.

I.

Русской печати обѣщана въ близкомъ будущемъ возможность „достойно выполнять высокое свое призваніе". Съ этою цѣлью признано неотложнымъ устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ постановленій о печати излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы.

Съ своей стороны, русскіе писатели и журналисты должны теперь громко и во всеуслышаніе заявлять о своихъ нуждахъ, указывать на тѣ стѣсненія и трудности, которыя мѣшаютъ имъ часто выполнять „свое высокое призваніе". Они должны сдѣлать нынѣ то, что неоднократно дѣлали въ той или другой формѣ, въ доброе старое время, отцы отечественной журналистики, когда послѣдняя встрѣчала излишнія препоны и преграды на пути своего развитія. Журналисты самыхъ различныхъ направленій не разъ объединялись, предавая забвенію свои счеты и недоразумѣнія, когда нужно было постоять за общее дѣло.

Такъ было, между прочимъ, въ 1861 году, когда редакторами и сотрудниками русскихъ газетъ подана была знаменитая коллективная записка, которая была составлена М. Н. Катковымъ, и подъ которою красовались подписи Краевскаго, Благосвѣтлова, Корша, Чернышевскаго, Елисѣева, Аксакова, М. М. Достоевскаго, редактора „Русскаго Инвалида" Писаревскаго и многихъ другихъ.

„Если есть страна,—говорилось, между прочимъ, въ „запискѣ"—гдѣ свобода печати можетъ быть допущена съ полною безопасностью, то страна эта есть, по преимуществу, наше отечество... Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ настоящее время нигдѣ съ такими трудностями не сопряжено дѣло журналиста, какъ въ Россіи".

Прошло съ тѣхъ поръ, какъ сказаны были эти слова, 43 года,—и трудности для русскаго журналиста продолжаютъ существовать, какъ это признано въ опубликованномъ нынѣ Указѣ.

Повторяю, русскимъ журналистамъ надлежитъ теперь и печатно, и устно на съѣздѣ дѣятелей печати,—который былъ бы вполнѣ своевременемъ,—заявлять о своихъ нуждахъ, о претерпѣваемыхъ ими стѣсненіяхъ и намѣтить тотъ путь, по которому должно итти улучшеніе положенія русской печати.

Русскимъ журналистамъ не мѣшаетъ воспользоваться предоставленною теперь возможностью разсказать своимъ „почитывающимъ", — по выраженію сатирика,—читателямъ о невѣдомомъ имъ писательскомъ страстотерпствѣ, о цензорскомъ гнетѣ, объ административномъ воздѣйствіи на печать,—словомъ о гоненіяхъ на человѣческую мысль. Исторія русской цензуры знаетъ цензоровъ, которые, по словамъ бывшаго цензора Никитенко, „обращались съ мыслями какъ съ ворами и пьяницами"... Императоръ Николай I долженъ былъ взять А. С. Пушкина подъ свою защиту отъ цензурныхъ гоненій. Извѣстна также судьба „Ревизора" и многихъ другихъ великихъ произведеній русской литературы.

И какъ знать, сколькихъ великихъ произведеній лишилась наша литература по милости цензуры, убивавшей нерѣдко всякое писательское творчество!

За „вольныя мысли" и „непригожія статьи" сажали на гауптвахту и авторовъ, и цензоровъ. Министръ юстиціи Панинъ предлагалъ подвергать цензоровъ наказанію, не разбирая предварительно—заслуживаютъ-ли они онаго! Это суровое отношеніе къ цензорамъ служило какъ бы поощреніемъ къ вящшимъ гоненіямъ на писательскія мысли.

Въ то же время знаменитый Дуббельтъ усмотрѣлъ однажды вольнодумство даже у „готоваго къ услугамъ" Булгарина, который бранилъ столичный климатъ и рекомендовалъ извозчичью таксу. Одинъ цензоръ, встрѣтивъ у иностраннаго автора, переведеннаго на ...скій языкъ, выраженіе „въ Россіи кли... суровый",—зачеркнулъ—„суровый" и з... нилъ словомъ—„хорошій".

У Буслаева въ его „Русскихъ поговор... и пословицахъ" была усмотрѣна нецен... ность, и цензору сдѣланъ былъ нагоня... пропускъ пословицы: „мила жена, как... вѣнцу ведутъ да какъ вонъ несутъ".

Такъ свирѣпствовала цензура въ до... старое время, когда въ цензурномъ вѣ... ствѣ подвизались блаженной памяти Кра... скіе, Лонгиновы и Елагины.

II.

Было бы ошибочно думать, что въ б... близкое къ намъ время у насъ не было ...совскихъ, Елагиныхъ и Лонгиновыхъ. В... ченіе слишкомъ четверти вѣка пишущій... строки приходилъ въ соприкосновеніе съ ...зорами, которые являлись достойными пр... никами „отцовъ" русской цензуры. Поп... лись и благожелательные цензора, ... друзья гласности, но рѣдко.

На одномъ петербургскомъ чествованіи ...мяти нашего великаго поэта А. С. Пушк... присутствовалъ цензоръ, который чок... со старымъ публицистомъ Г. К. Градовск... пожелавъ ему здоровья.

— О, да,—замѣтилъ съ ироніей Градовск... вы не можете не желать намъ здоровья! ... бы не было писателей, то не было бы и цен... ровъ, и вамъ нечего было бы дѣлать и не... и нечего было бы ѣсть...

О благожелательныхъ цензорахъ мнѣ, по вы... изложенной причинѣ, распространяться ... придется въ настоящемъ очеркѣ, посвящ... номъ моимъ воспоминаніямъ о сношеніяхъ ... цензорами. Первый цензоръ, съ которы... лично меня столкнула судьба, былъ вет... деньми старецъ Смирновъ. Это было въ кон... 70-хъ годовъ. Я былъ тогда секретаремъ ... дакціи еженедѣльной газеты. По своей ст... ческой немощи Смирновъ плохо видѣлъ, п... хо слышалъ и еще хуже понималъ читаем... Случалось, что онъ херилъ вещи соверше... невинныя и безобидныя въ цензурномъ от... шеніи и пропускалъ рискованныя статьи, ... торыя въ редакціи назывались „буферам... онѣ должны были заслонять болѣе или мен... цензурныя статьи, которыя хотѣлось спас... отъ цензорскихъ посягательствъ.

Когда Смирновъ не справлялся съ обш... нымъ матеріаломъ, онъ бралъ клятвенное о... щаніе, что его, старика, дослуживающ... до пенсіи, „не подведутъ", что въ нумерѣ ... окажется ничего антицензурнаго и неудоб... го для печати. И тогда онъ спокойно под... сывалъ оттиски, не читая.

Въ изданіи, о которомъ здѣсь идетъ рѣ... начался печатаніемъ рядъ моихъ очерков... русскомъ законодательствѣ о ремесле... никахъ. Разумѣется, въ этихъ очеркахъ, т... дѣло, цитировалось „Полное собраніе за... новъ", которымъ я могъ пользоваться толь... въ Императорской публичной библіотек... Смирновъ, когда ему были доставлены мн... первыя гранки статьи, потребовалъ, чтобы ... приносилъ ему „Полное Собраніе законовъ... дабы онъ могъ самолично свѣрять мои цит... ты и воочію убѣждаться въ томъ, что я ... не подвожу. Мнѣ стоило много труда убѣди... Смирнова въ томъ, что изъ публичной библі... теки мнѣ на домъ фоліантовъ „Собранія З... коновъ" не станутъ выдавать и что если ... таковые мнѣ и выдавались, то приходило... бы нанимать ломовиковъ для доставки кн... цензору. Съ меня была взята обычная кля... что я не подвелу старика,—и статьи мо... безпрепятственно печататься.

При всемъ томъ Смирновъ былъ человѣкъ покладистый и сговорчивый.

Такою покладистостью отличался и смѣнившій покойнаго Смирнова цензоръ Ю—зъ, но онъ былъ неудобенъ для сношеній съ нимъ по совершенно другой причинѣ. У Ю—за было много долговъ, и онъ прятался постоянно отъ кредиторовъ.

Часто его заставали въ дворницкой того дома, гдѣ онъ жилъ, и здѣсь ему вручали цензорскіе оттиски.

III.

Когда я изъ подцензурной газеты перешелъ въ издающуюся безъ предварительной цензуры большую либеральную столичную газету, то былъ, грѣшный человѣкъ, увѣренъ, что сразу окунусь въ новую для меня атмосферу, гдѣ царитъ относительная свобода слова, гдѣ редакторскій карандашъ занятъ только стилизированіемъ статей и устраненіемъ неудобныхъ разногласій и диссонансовъ. Но велико было мое удивленіе, когда на повѣрку оказалось, что самые суровые цензора —„мальчишки и щенки“ противъ одного редактора либеральной газеты.

Редакторскій карандашъ лихо разгуливалъ по гранкамъ оттисковъ, вычеркивая всякія заковыристыя словечки, цензурные жупелы, двусмысленные экивоки и намеки на то, чего не вѣдаетъ никто, вытравляя все пикантное, обезцвѣчивая всѣ сколько-нибудь яркія мѣста. Чаще всего редакторскій карандашъ упражнялся на статьяхъ талантливаго публициста Гр—каго, нѣкогда писавшаго статьи почти исключительно „на предостереженія“.

На издававшееся Гр—скимъ „Русское Обозрѣніе“, то и дѣло, сыпались предостереженія, и чуть-ли не ежемѣсячно оно пріостанавливалось.

У Гр—скаго былъ и большой полемическій зудъ. Доставалось отъ почтеннаго публициста нашимъ сикофантамъ, реакціонерамъ, мракобѣсамъ и писателямъ такъ называемаго „откровеннаго направленія“. Но редакторъ страсть какъ не любилъ полемики, за которую ему самому приходилось отдуваться. Своимъ полемическимъ порывамъ сотрудники давали нѣкоторую волю только тогда, когда редакторъ уѣзжалъ за границу. Въ остальномъ же они въ точности соблюдали цензурный уставъ. Даже вышеупомянутый публицистъ, который слылъ за неукротимаго либерала, впослѣдствіи научился примѣняться къ тогдашнимъ цензурнымъ обстоятельствамъ.

Самъ редакторъ-цензоръ слылъ за „либерала съ оглядкой въ сторону главнаго управленія“, какъ его печатно назвалъ покойный В. О. Михневичъ (Коломенскій Кандидъ) въ его „Словарѣ достославныхъ россіянъ“.

Впрочемъ, и то сказать! Время-то какое было тогда!

Рѣчь идетъ о началѣ 80-хъ годовъ, когда надъ головою редактора висѣлъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ административныхъ каръ и циркуляровъ изъ цензурнаго вѣдомства, сыпавшихся, какъ изъ рога изобилія.

Циркулярная литература словно превратилась въ ежедневное періодическое изданіе. Кромѣ того, редакторъ частенько вызывался въ главное управленіе для соотвѣтственныхъ внушеній. „Внушенія“ дѣлались редактору, который, въ свою очередь, дѣлалъ ихъ сотрудникамъ.

Помѣщавшіяся въ газетахъ статьи читались и понимались не только буквально, но въ нихъ искали всегда какого-то сокровеннаго смысла и находили часто аллегоріи въ самыхъ безпретенціозныхъ статьяхъ.

Написалъ однажды фельетонистъ газеты дачный разсказъ, гдѣ, помнится, выведенъ былъ старый генералъ; предъ нимъ все и вся трепещетъ, а онъ самъ боится ничтожныхъ комаровъ и мушекъ, которымъ, по выраженію гоголевскаго городничаго, и родиться на свѣтъ не слѣдовало бы. Въ этомъ разсказѣ была усмотрѣна аллегорія. Аллегоріи усматривались и въ другихъ статьяхъ. Дошло до того, что одинъ изъ передовиковъ газеты, которому было поручено написать передовицу о борьбѣ со свирѣпствовавшею тогда эпидемическою болѣзнью, не безъ оттѣнка грусти спросилъ:

— А не усмотрятъ-ли въ этой статьѣ аллегоріи?

Отъ цензорскихъ экспериментовъ редактора-цензора статьи становились подчасъ совершенно неузнаваемыми.

Когда опубликованъ былъ законъ о цензурѣ 1865 г., покойный И. С. Аксаковъ выразилъ въ своемъ „Днѣ“ свою радость по поводу того, что впервые со дня возникновенія отечественной періодической печати статьи будутъ являться въ томъ видѣ, какъ онѣ выходятъ изъ-подъ пера ихъ авторовъ, не подвергаясь цензорской кастраціи.

Но скоро наступило разочарованіе для писателей. Цензоровъ ex professio замѣнили цензора-добровольцы, въ лицѣ излишне осторожныхъ подчасъ редакторовъ, утрировавшихъ свою цензорскую бдительность.

Но при всей осторожности редактора либеральной столичной газеты, она все же была въ то время, къ которому относится мой разсказъ, почти единственнымъ пріютомъ всякаго прогрессивнаго мнѣнія, какъ выразился на редакторскомъ юбилеѣ сотрудникъ его, профессоръ-публицистъ В. И. Модестовъ.

А. Кауфманъ.

Бисмаркъ о Россіи изъ Россіи.

Давно это сказано: голосъ геніальнаго человѣка, хотя бы уже сошедшаго въ могилу, но живущаго въ своихъ писаніяхъ, часто звучитъ сильнѣе голосовъ цѣлой тысячи живыхъ посредственностей.

Нельзя не вспомнить этотъ афоризмъ, пробѣгая страницы вышедшей недавно въ Штутгартѣ книжки „Переписка Бисмарка съ министромъ барономъ фонъ-Шлейницемъ съ 1858 до 1861 г.“.

Въ этотъ трехлѣтній періодъ Бисмаркъ занималъ постъ прусскаго посланника въ Петербургѣ, и ему, такимъ образомъ, суждено было быть очевидцемъ того переворота въ нашей внутренней жизни, который ознаменованъ паденіемъ крѣпостного права. Въ своей перепискѣ съ министромъ, котораго, кстати сказать, онъ ненавидѣлъ всѣми фибрами души, Бисмаркъ часто въ немногихъ строкахъ схватываетъ цѣлыя картины тогдашней русской дѣйствительности, кажущейся намъ теперь столь далекой и въ то же время столь близкой. Нѣсколько выдержекъ, которыя мы здѣсь приведемъ, вѣроятно, прочтутся съ возрастающимъ интересомъ.

Передъ нами фигура будущаго основателя Германской имперіи, желѣзнаго канцлера и могущественнѣйшаго государственнаго дѣятеля, отъ котораго въ теченіе долгаго времени зависѣла судьба европейскаго мира. Онъ пишетъ много и охотно, „по долгу службы“; онъ желаетъ, чтобы родная страна, дорого оплачивающая его пребываніе въ Петербургѣ, знала все, была освѣдомлена обо всемъ, — и вотъ почему въ его письмахъ сплошь и рядомъ воспроизведены, зачастую въ немногихъ строкахъ, цѣлые характеры, типичныя явленія, характерные факты, вовсе не имѣющіе видимаго отношенія собственно къ дипломатической службѣ.

О князѣ Горчаковѣ, министрѣ иностранныхъ дѣлъ и ближайшемъ совѣтникѣ Императора Александра II, Бисмаркъ уже на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Петербургѣ говоритъ въ письмѣ отъ 28-го апрѣля 1859 года:

„Князь Горчаковъ болѣе, чѣмъ когда-либо, остороженъ и скрытенъ въ сношеніяхъ со мною. По его словамъ, въ Россіи только два человѣка посвящены въ политику петербургскаго кабинета, именно Императоръ, который дѣлаетъ ее, и онъ, князь Горчаковъ, который ее подготовляетъ и исполняетъ. „Его Величество,—сказалъ мнѣ Горчаковъ,—очень молчаливъ, а я высказываю только то, что хочу“.

И нѣсколько дальше, въ томъ же письмѣ, Бисмаркъ вводитъ насъ въ другую область, пожалуй, гораздо болѣе интересную:

„Русскій посланникъ въ Веймарѣ,—пишетъ онъ,—прислалъ подробный и весьма сочувственный докладъ о національномъ движеніи въ Германіи; Императоръ велѣлъ напомнить ему, что онъ, г. Мальрицъ, больше не гейдельбергскій студентъ, а русскій дипломатъ. Затѣмъ, имѣйте въ виду вотъ что: на Императора производятъ непріятное впечатлѣніе добрые совѣты, которые то и дѣло даютъ ему высокіе родственники въ Германіи“.

Въ своихъ письмахъ они любятъ выражаться такъ: „Императоръ долженъ согласиться...“ „Императоръ не можетъ не принять во вниманіе“... „Въ противномъ случаѣ альтернатива получится такая-то“...

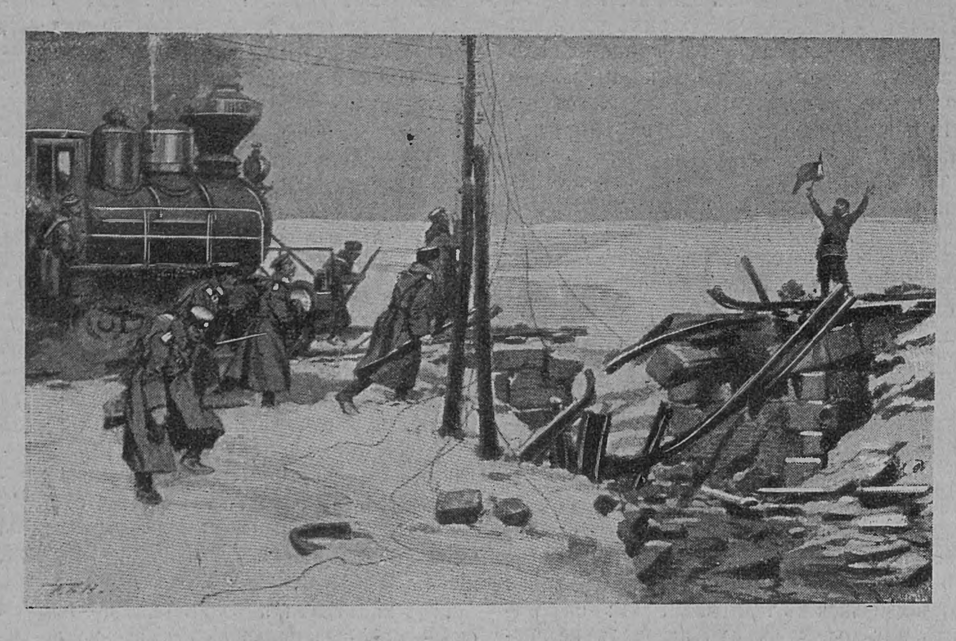
Надо перенестись въ эпоху, наступившую послѣ Крымской войны, когда „весной“, настоящей весной запахло во всей нашей странѣ, когда прошлое, подъ вліяніемъ только что пережитыхъ испытаній, осуждалось безпощадно всѣми сверху до низу,—надо знать, чѣмъ, какими надеждами волновалась вся Россія „назавтра послѣ Севастополя“, чтобы оцѣнить всю правдивость слѣдующаго замѣчанія, которое дѣлаетъ Бисмаркъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

„Нигдѣ въ мірѣ не судятъ о правительствѣ съ такой свободой, какъ въ Россіи. То и дѣло уличаютъ въ лихоимствѣ, взяточничествѣ и продажничествѣ. Столь долго ожидавшееся открытіе движенія по петербурго-динабургской желѣзной дорогѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ задерживалось канцелярской волокитой, объясняемой скудостью вознагражденія крупнымъ чиновникамъ... Если-бъ дѣйствіе словъ было смертоносно, тутъ ежедневно открывалось бы множество свѣжихъ могилъ. Каждый отдаетъ должное благородному сердцу Императора, но другимъ... Многимъ другимъ достается такъ, что надо либо уходить, либо просить о перемѣнѣ разговора.

„Если бы всѣ эти вещи когда-нибудь сдѣлались предметомъ судебнаго процесса, тогда нѣсколькихъ дюжинъ моралистовъ, вопіющихъ объ упадкѣ нравственности, матеріала хватило бы на всю жизнь“.

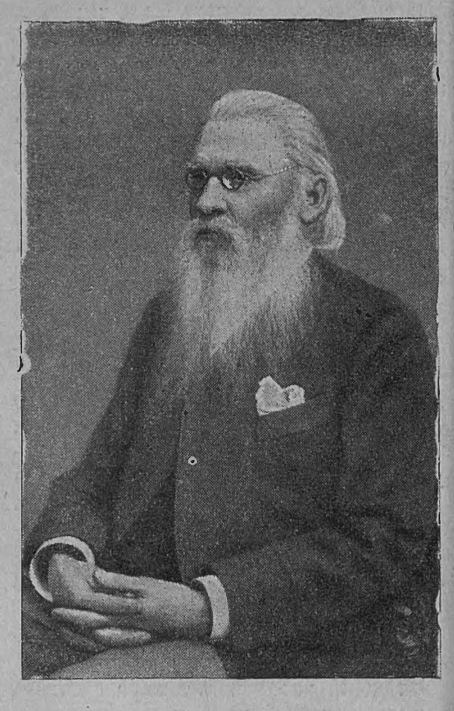
На сложной и широкой дѣятельности Минны Ивановны, или, проще, по нѣмецки г-жи Бурггофъ, подруги одного изъ высшихъ сановниковъ, Бисмаркъ останавливается подробно въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ.

„Минна Ивановна,—пишетъ онъ,—или, какъ ее называютъ въ народѣ, Минаванна, содержитъ салонъ, котораго я посѣтить не могу; однако, я охотно посылаю туда молодежь, служащую въ посольствѣ. При ея посредствѣ исполняются различныя просьбы. Здѣш-

Желѣзнодорожный путь въ тылу японской арміи, разрушенный русскими отрядами.

Съ наброска англійскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

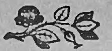
Д. Л. Мордовцевъ.

Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности, 22-го января.

шній очень крупный торговый домъ Брандта несомнѣнно обанкрутился бы на этихъ дняхъ, если-бъ не получилъ 600,000 рублей. Онъ далъ 20,000 Миннѣ Ивановнѣ и получилъ всю нужную сумму изъ... неизсякаемаго источника, или, по крайней мѣрѣ, обязательство на эту сумму, такъ какъ самъ „источникъ“ не располагалъ наличными. Благодаря той же дамѣ, одинъ дворянинъ и крупный фабрикантъ получилъ три милліона съ разсрочкой платежа на шесть лѣтъ. Эта самая дама подъ другимъ именемъ содержитъ парижскій модный магазинъ, гдѣ люди платятъ за пару перчатокъ отъ ста до пятисотъ рублей, а потомъ подаютъ необходимыя имъ прошенія. Внѣшняя политика такъ строго монополизована княземъ Горчаковымъ, что не поддается вліянію Минны Ивановны; въ противномъ случаѣ, я принужденъ былъ бы ходатайствовать передъ вами (Бисмаркъ пишетъ своему министру) объ ассигновкѣ значительной суммы на секретные расходы“.

Общественное настроеніе, порожденное у насъ реформами Императора Александра II, Бисмаркъ характеризуетъ въ обширномъ письмѣ. „Къ прискорбію, среда, близко стоящая къ Императору, не свободна отъ элементовъ, поведеніе которыхъ даетъ поводъ къ справедливымъ нареканіямъ. Еще прискорбнѣе, ч… отвѣтственность за ихъ поведеніе, а так… за всю авгіеву конюшню оффиціальны… злоупотребленій искусственно взваливаю… на Императора, который, въ Своей сердечн… добротѣ, снисходителенъ къ знакомымъ е… личностямъ. Впрочемъ, Его благородные п… мыслы. Его искреннее желаніе улучшить п… ложеніе признаются всѣми“.

Б. Павловъ.

Прибытіе транспорта русскихъ плѣнныхъ въ госпиталь, въ Мацуямѣ.

Съ фотографіи нѣмецкаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., № 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“ С. М. Проппер[ъ].